

Алексей Верижников

Зюзинский Амаркорд

70-80-90-е

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Верижников
Зюзинский Амаркорд

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Верижников А. В.

Зюзинский Амаркорд / А. В. Верижников — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Автор описывает обстоятельства рождения в простой советской семье в окраинном районе Зюзино города Москвы, застроенном хрущевками, интригующие нюансы быта "хрущевской цивилизации", учебу в МГУ, своеобразные нравы Фонда Сороса, по линии которого пришлось продолжить учебу, стык времен и эпох - 70-80-90-е, жизнь за границей во время "академического туризма" - учеба в Чехии, Польше, Австрии. Юмор и хороший стиль - то, что должно удержать внимание читателя. Содержит нецензурную брань.

© Верижников А. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Гиганты первобытного леса	7
Топонимика	7
Флора	8
Фауна	10
Богатыри – не вы!	12
Миф о карате	13
Общественные пространства	14
Досуговые паттерны	15
Алкоголь	18
Секс	21
Чему нас учит семья и школа	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

«Позови меня тихая родина, где какашка лежит под смородиной»

Предисловие

Места возле Битцевского лесопарка не особо прославлены. Разве что «Битцевским маньяком». С грядущей ликвидацией хрущевок, коими мой бывший район Зюзино, граничащий с лесопарком через Балаклавский проспект, обильно застроен, хотелось бы заодно вспомнить уходящую «хрущевскую цивилизацию», которой вскоре предстоит стать в лучшем случае источником милых исторических баек в стиле «Покровских ворот», а в худшем – просто гумусом и культурным слоем, из которого вырастут бодрые двадцатиэтажные лингамы московского девелопмента. Когда я пишу эти строки, моя жизнь делится ровно пополам – 25 лет, прожитые в советское время, и 25 лет в постсоветское. Я одинаково укоренен в обеих эпохах, не имея поколенческих перекосов ни тех, чья жизнь после 1991 года превратилась в «дожитие», ни тех, кому на стыке эпох было лет семь-десять, и кто из всей советской жизни помнит только вкус советского мороженого, из которого они потом намечтали целую Атлантиду, чьи волшебные замки ровно из этого мороженого предположительно и были построены. Мои воспоминания о Зюзине и «хрущевской» цивилизации написаны в стиле постправды (post-truth) и жанре так называемого «ненадежного рассказчика». Память избирательна и неотделима от «тараканов» автора. Как говорится, я «так помню». Поэтому не нужно ловить меня на деталях из серии «а мороженное-то «крем-брюле», в советское время, на самом деле, стоило не тринадцать копеек, как у вас, а пятнадцать!». В конечном счете, никто же не воспринимает один известный фильм как антропологически точную реконструкцию бытовой жизни итальянского города Римини в эпоху зверского диктатора Муссолини.

Глава 1. Гиганты первобытного леса

Топонимика

Само название «Зюзино» – Зюю-зии-ноо – фонетически несет в себе коннотации расхлябанности, запущенности и ленивой неустроенности. Многие и не сразу догадываются, что это в Москве. Когда люди спрашивают кто откуда, и идет бодрое перечисление – «из Москвы!», «из Питера!», «из Новосиба!», – я обычно отвечаю: «А я, типа, из Зюзино». Знакомые считают топоним как разновидность Мухосранска Дальнего – вроде архетипичных кавээновских Нягани или Камызяка – и начинают смотреть на меня со смесью досады, жалости и уважения, как обычно смотрят на слабого на голову от природы, но упорного мальчика, своим трудолюбием заслужившего право обучаться вместе со всеми в обычной средней школе.

Конечно, для повышения самооценки можно вспомнить, что селом Зюзино в XVII веке владела та самая боярыня Морозова с картины Сурикова, но с точки зрения проживания в московском спальном районе это ему особо ни убавляет и ни прибавляет, как ни убавляет и ни прибавляет Теплому Стану тот факт, что им когда-то владела Салтычиха.

Основные географические координаты детства – это пруды. Лесной, Школьный, Чапаевский. У воды всегда интересно: можно кататься летом на плотках, а весной – на льдинах. Подобно Дуримару пытаться выловить всякую осклизлую подводную и надводную живность. Наконец, залезть в воду, хотя взрослые, конечно, предупреждают, что там и для собак не особо гигиенично.

Лесной и Школьный пруды – это дворовые самоназвания с самой элементарной топонимикой. Лесной – он в лесу (то бишь, в Битцевском лесопарке), а Школьный – возле школы. Помимо увеселений «водного мира», Школьный пруд с его берегами, застроенными полузаброшенными гаражами, давал еще уединенные площадки для ристалищ повздоровивших школьников в стиле «пойдем, выйдем». Как я недавно прочитал в Википедии, наш «Школьный» пруд, на самом деле, называется Нижний Афонинский. Если бы нам кто-нибудь об этом сказал в наши школьные годы, мы бы, наверное, как-то связали происхождение этого названия с главным героем популярного в те годы фильма «Афоня» в исполнении Куравлева.

Интереснее с Чапаевским прудом, находившимся на территории позже застроенной Битцевским конноспортивным комплексом. Простой деривативной топонимике из серии «лес – Лесной пруд, школа – Школьный пруд» здесь нет. Чапаевский – это пруд-миф. Как Новоиерусалимский монастырь должен был являть символическую проекцию величавого ближневосточного Иерусалима на буераки Подмосковья, так и Чапаевский пруд – это мифологизированное в детском сознании место гибели главного героя советских анекдотов. С рекою Урал, в которой тонул легендарный комдив, его роднит глубина ровно по пояс. Поэтому если спросить, как же можно утонуть в пруду, который можно без труда перейти по дну с одного берега на другой, с тем же основанием можно задать вопрос: как же Василию Ивановичу однако удалось утонуть в Урале? Или в Орале, как его сейчас называют незалежные казахи.

Наш Балаклавский проспект (привет бузотерам всего мира, носящим балаклавы, и изобретшим их во время Крымской войны англичанам – «тонкой красной линии» под Балаклавой и безумной атаке легкой кавалерии) когда-то назывался Большой Зюзинской. Но на стыке 60-х и 70-х годов городскими властями было принято решение наименовать все проспекты, улицы и бульвары Зюзино в честь городов Причерноморья и Приазовья. На юге Москвы расцвел настоящий курортный юг – проспекты Балаклавский и Севастопольский, бульвары Симферопольский, Черноморский и Чонгарский, улицы Одесская, Керченская, Херсонская, Азовская. А буйная фруктово-садовая зелень дворов это сходство с югом только усиливала.

Флора

Сейчас районы, застроенные пятиэтажками, представляют собой, по сути, сплошную парковую зону. Деревья там, в прямом смысле, «выше крыши». А в ранние годы этих районов там еще был целый «подлесок» из кустарников. Летом во дворах стояло плотное благоухание цветущего шиповника, в цветах которого с бодрым гудением возились толстенькие разноцветные шмели. Периметры разгораживали посадки декоративного кустарника, который мы в детстве называли «гибридом крыжовника и смородины». Во время цветения он давал ярко желтые цветочки, в основании «попки» которых таился сладчайший нектар – откусываешь попку и высасываешь аки шмель. А во второй половине лета кустарник «выстреливал» салютом разноцветных и разнокалиберных сладких ягод – черных, желтых, красных, которые сохранялись на ветках почти не скукоживаясь до ранней осени. А еще был гастрономически бесполезный, но востребованный детством кустарник, который давал по осени белые горькие плотные ягодки, которые, если бросаешь на асфальт и резко наступаешь на них ногой, давали бодрый веселый хлопок. Так до первого снега ими и хлопали.

Помимо декоративных растений, в качестве индивидуального почина, обильно высаживали и сугубо утилитарные культуры – яблони, сливы, черную и красную смородину, малину, крыжовник. Среди заселивших пятиэтажки обитателей было немало вчерашних деревенских – как жителей, поглощенных новыми московскими районами примыкавших к Москве деревень (Черемушек, Зюзино, Чертаново, и т.п.), так и вчерашних колхозников из более отдаленных весей, вытащивших свой «счастливый билет» и мытьем/катаньем перебравшихся в столицу из колхоза на завод, прописавшись в при заводских бараках, которые в результате первой московской «реновации» потом зареплейсировали «хрущевками». Среди тех, кто сейчас себя с гордостью называет «коренными москвичами», преобладают именно их потомки.

Деревенские хотели на новом месте сохранить деревенский быт и самостийно нарезали себе под окнами хрущевки никак не узаконенные «две сотки» (предтечу сегодняшнего формата ситихауса), засадив их плодово-ягодными и имея твердую интенцию «из своих слив, а не каких-то там гнилых покупных, на зиму компот в банки закатывать». В социалистическом же сознании прочих новоселов данный агрикультурный самосад воспринимался как общественная, а не как частная собственность, поэтому визиты в соседские смородиново-яблоневые кущи по принципу *help yourself* считались вполне нормативным поведением. Иногда, как это принято в биологическом мире, пищеварение следовало на месте прямо вслед за насыщением. Кусты, как говорится, располагали.

Нелегитимные же владельцы наделов, как могли, защищали урожай от набегов строителей коммунизма – громкой бранью из окон и выскакиванием «на разборку» с садовым инвентарем в руках. До сих пор помню деда, бегущего с лопатой наперевес, как красноармеец в последнюю отчаянную штыковую атаку, вслед за улюлюкающими парубками.

Любопытно, что несмотря на то, что мы имели свой собственный подобный двухсоточный «надел» и снимали с него ежегодно по тридцать-сорок килограмм слив, конвертировавшихся затем в бесконечные ряды запыленных компотных банок под всеми кроватями, я сотоварищи совершал точно такие же набег с целью раскулачивания «куркулей», раскинувших свое подсобное микрохозяйство под окнами других пятиэтажек. Чужие яблоки и сливы они, понятно, слаще. Плюс незабываемое адреналиновое чувство ухода от погони с отягощенными добычей карманами.

Конец 60-х – начало 70-х не были годами голодной бедности. Это был расцвет умеренной брежневской сытости и вполне добротного мещанского благополучия. Но парадигма «питаться своим» прочно засела в головах людей, переживших войну и послевоенную разруху, кормясь по большей части со своего огорода. Все прилегающие к Битцевскому лесопарку открытые про-

странства, а также лесные поляны были распаханы под самозахватные картофельные parcelлы (и у нас была такая деляночка, схоронившаяся под линией ЛЭП, рассекавшей лесопарк пополам). И поскольку права на них были «птичьими», в случае более чем предсказуемой потравы полудикорастущей картошки, оставалось только гадать, кого винить – птиц ли небесных или же тварей земных (о четырех и о двух ногах).

Фауна

Как уже упоминалось выше, изрядную часть обитателей зюзинских хрущевек составляли вчерашние и позавчерашние колхозники. Ходили даже городские легенды, что кто-то держал в квартире на пятом этаже корову, прогонял по всем лестничным пролетам на выпас и затем пас ее прямо во дворе. Коровы своими глазами в Зюзино не видел (видел в Ясеново, но в 70-х Ясеново еще было настоящей деревней, лишь стоящей в очереди на предстоящую урбанизацию). Но, вот, петушиные крики с балконов у нас «на районе» раздавались регулярно.

Наши соседи сверху, несмотря на наличие в доме унитаза, почему-то любили справлять большую и малую нужду в полиэтиленовые пакеты и потом сбрасывать эти пакеты вниз с балкона. Во дворе дома был своего рода «сельский клуб», где «новые городские» активно социализировались. Это был большой деревянный стол с врытыми в землю деревянными скамьями. За столом собирались доминошники-мужики и игравшие в лото бабы. Азартные игры на медную мелочь щедро сдабривались портвейном для оживляжа. После чего игроки пели протяжные песни, а иногда беззлобно дрались на уровне толчков и неумелых зуботычин.

Вообще, наш микрорайон в смысле дворового мордобоя был местом относительно безопасным. Контингент вчерашних деревенских и их отпрысков был изрядно разбавлен совслужащими. Встречались даже кандидаты наук, которые с их советским лоском и «москвичами»/«жигулями» (по одной-две машины на двор максимум), казались чем-то вроде небожителей. Поэтому уж совсем оголтелой дворовой шпаны у нас не было. За все детство я всего два раза получил по лицу «на районе». Да и то, не били по-настоящему, а так, смазывали, за то, что вовремя не делал «ку» перед попавшимися навстречу дворовыми авторитетами.

Зато, как когда-то было принято биться деревней на деревню, так враждовали район с районом. Все 70-е Зюзино враждовало с чуть позже застроенным Чертаново за символический контроль над Битцевским лесопарком. Прилегали к нему оба района. Поэтому остро стоял вопрос символической межи в лесных куцах – «за этот овраг не ходи, на чертановских нарвешься». Периодически, обе враждующие стороны мобилизовали по всем дворам и микрорайонам «большое войско» (тогда его называли «шобла»), состоящее человек из ста. Как правило, все заканчивалось разновидностью «стояния на Угре». Обе «шоблы» – зюзинская и чертановская – обменивались оскорблениями, кидались друг в друга камнями, комками сухой глины и похищенными на стройках электродами. После чего расходились довольные собой, каждая зафиксировав «победу», о коих за тем слагали в своих дворах былины, щедро сдобренные гиперболами.

Но иногда дело доходило и до контактного боя. Тогда в ход помимо кулаков шли увесистые палки («колы»), а также огнестрельные «курковушки» – самодельный девайс, запечатленный в фильме «Брат-2», из которого деликвентный русский стреляет в лицо деликвентному афроамериканцу, дабы завладеть уже настоящим боевым оружием. «Курковушку» можно было зарядить только бумажным пыжом – тогда после выстрела она оставляла лишь громадный синяк. Но наиболее бедовые головушки в дополнение к бумажному пыжу клали еще шарик от подшипника, способный углубиться в мягкие ткани на несколько сантиметров. В общем, это был самодельный «травмат» советской эпохи, задававший немало работы хирургам в травмопунктах после таких межрайонных боев «стенка на стенку».

Однажды я был свидетелем отступления разгромленной армии «зюзинских». Картина напоминала сорок первый год. Мелкими потрепанными группками, кривоватой побегой побитой собаки, они отходили из леса через Балаклавский проспект вглубь микрорайона с криками: «Прячьтесь все! Чертановские идут! Через две минуты здесь будут!» Ликующая победоносная «шобла» чертановских, помаячив на опушке леса, тем не менее, вглубь Зюзино не пошла. Прокричав о захвате всего Битцевского лесопарка и запрете отметеленным зюзинским

вообще в лес ходить, они развернулись восвояси. Но статус-кво (пол леса – ваши, пол леса – наши) вскоре был восстановлен благодаря зюзинской земли богатырям.

Богатыри – не вы!

До сих пор в моей памяти стоит следующая картина. Восьмиклассник Коровин по кличке «Короча» в ледяном апрельском Школьном пруду, отталкивая могучими руками хрупкие весенние льдины, как ледокол «Ленин» мощно плывет на середину пруда, где находится крошечный островок-отмель. Доплыв до клочка суши, он снимает семейные трусы и машет ими собравшимся на берегу болельщиком как флагом над только что взятой крепостью. Затем также мощно плывет обратно, выпивает для «сугреву» стакан водки и идет досиживать школьные занятия (впереди ПТУ, поэтому усвояемость знаний дело десятое).

Низкорослый крепыш Короча при росте в метр семьдесят имел в плечах примерно столько же. Издали он напоминал объемистый среднеразмерный платяной шкаф, бодро передвигающийся на коротеньких крепеньких ножках. Герой дворовых баталий, Короча обладал свирепым нокаутирующим ударом. Для закрепления приобретенной воинской славы сей былинный богатырь поспорил, что доплывет до середины Школьного пруда, как только по весне сплошной ледяной покров треснет, разобьется на отдельные льдины, и межльдинная навигация станет возможной. И таки выиграл спор! Посему, так и подмывает сказать что-нибудь назидательное и духоподъемное для нынешнего субтильного веганского юношества: «В давние благословенные времена достославного Пипина Короткого...»

Другой школьный атлет Шура Мраморнов, славившийся вращением на стоящем во дворе турнике в режиме механической детали револьверного станка, навеки вписал свое имя в микрорайонные скрижали тем, что торжественно насрал прямо в актовом зале школы. Директором школы было учреждено оперативное расследование. Очертили широкий круг подозреваемых, в который включили всех хулиганов и двоечников нашей школы. Их заводили по одному в кабинет директора. После чего директор вместо «здравствуйте» резко бил вошедшего школьным журналом по голове с криком: «Я знаю, что это ты, сука, сделал!» Потом допрашиваемых выводили по одному, не давая пообщаться с томящимися в предбаннике другими подозреваемыми, и заводили нового. Если совесть была чиста, то на допросе подозреваемый после удара журналом по голове скуляще настаивал на невинности. А Шура, вот, «поплыл». Дело закончилось условным отчислением из школы и показательным мытьем «в одного» всего актового зала. Советская школа была обходительной и гуманной.

Еще был Костя Мордвинцев – сидящей на задней парте для двоечников громадный детина под метр девяносто. Он постоянно на уроках в присутствии учителей флегматично отпускал вслух короткие матерные замечания про глубокую тщету процесса образования. Наш школьный учитель математики, исключительно нервный тип, попытался вышвырнуть его из класса и спустить с лестницы. В результате был спущен с лестницы сам. Школьная общественность решительно прочила Косте Мордвинцеву карьеру уголовника. Но он, подлец, обманул все возложенные на него ожидания и стал милиционером.

Любимым развлечением и способом держать себя в тонусе для наших зюзинских богатырей – Корочи, Шуры Мраморнова, Кости Мордвинцева и еще пары десятков им подобных – стали драки-тренировки в Битцевском лесопарке. Они выходили в лес, произвольно делились на две команды и в режиме полного контакта без всякого снисхождения на близкое дворовое знакомство энергично месили друг друга руками и ногами. При такой подготовке «ночного дозора», в межрайонной игре престолов граница в лесу была на замке и от чертановских, и от прочих залесных и заовражных супостатов. Большинство зюзинских чудо-богатырей, этих «гигантов первобытного леса», умерло в начале 90-х от паленой водки, не дожив и до тридцати лет. Как говорится, «кто живет по законам другим, и кому умирать молодым».

Миф о карате

В те годы все махали руками и ногами не абы как, а «под карате». После джинсов и жевательной резинки, карате было третьим великим фетишем позднего СССР. Карате рассматривалось не просто как одна из разновидностей единоборств, а как некая боевая магия. Тренированным каратистам приписывались невероятные способности – прыгнуть с места на три метра вверх и с высоты полуптичьего полета нанести сокрушающий удар ногой, пробивать кулаками стены, валить деревья ударом ребра ладони.

Брюс Ли, которого тоже для простоты записали в «каратисты», стал в дворовых рассказах эквивалентом эдакого азиатского Геракла с его великими подвигами, только куда более компактного, швыдкого и прыгучего. Пацаны полупрошепотом рассказывали друг другу от том, что они «от знающих людей» проведали, как Брюс Ли голыми руками и не менее голыми ногами бился со львом, тигром, быком и чуть ли не со слоном. Хотя, на самом деле, Брюс Ли, как и унаследовавший ему в этом жанре Джеки Чан, был чистой воды шоуменом, имеющим базовую подготовку в Пекинской опере и ни в каких реальных поединках не участвовавшим – ни с людьми, ни паче того с животными (бои гладиаторов-бестиариев принадлежали несколько иной эпохе).

В 70-х обучение карате в СССР запретили. Видимо, власть сама поверила в его сверхъестественные возможности (хотя, положи руку на сердце, ущерб, который может нанести хорошо подготовленный каратист не сильно превышает тот, который может нанести хорошо подготовленный боксер – бокс-то в СССР никто не запрещал).

И тогда расцвели подпольные секции карате. Чаще всего занятия проходили вечером в спортзалах школ, с администрацией которых «договаривались». Окна спортзалов плотно занавешивали бумагой, дабы сакральные тайны дрыгоножства не стали достоянием случайных прохожих. Но пацаны «с района», тем не менее, приникали к окнам и пытались причаститься этих тайн через небольшие зазоры между листами бумаги (чем-то напоминало подсматривание в женской бане в пионерлагере через процарапанную в покрытом масляной краской банном окне щелку).

К вопросу о «свирепом тоталитарном режиме». Режим объявляет некую деятельность незаконной и уголовно наказуемой. Однако этой деятельностью продолжают втихаря заниматься прямо в советских школах. Если бы кто-нибудь «стукнул», то директор школы мог бы не только партбилета и должности лишиться, но и реальный срок получить сразу по двум статьям: 1) за предоставление помещений для осуществления незаконной деятельности; 2) за частное предпринимательство (школьные спортзалы для тренировок каратистов предоставлялись-то не бесплатно). Но все как-то крутилось и вертелось, и о каких-либо репрессивных мерах против директоров школ, укрывающий в стенах вверенных им учебных заведений «катакомбную церковь советского карате», я что-то не слышал.

В подпольных секциях карате занимались относительно немногие. Но все себя считали в той или иной мере самопровозглашенным «каратистами». Для этого в домашних условиях пытались тренировать растяжку, задирали ноги выше головы и отжимались на кулаках. Отжимание на кулаках давало характерную мозоль на костяшках, наличие которой посылало дворовый месседж: «а он парень серьезный». Дворовые драки превращались в разновидность петушиных боев с совершенно бессмысленными стойками, подпрыгиваниями и ненужным размахиванием ногами (точный и сильный удар противнику кулаком в челюсть обычно наносит ему куда больше неприятностей, чем попытка достать его высоко задранной ногой). Но миф, он есть миф. Разоблачение мифов всегда дело неблагодарное. Это теперь мы знаем, что карате в своей эффективности не сильно отличается от обычного кикбоксинга. А тогда это было смесью высокой религии и дворовой гимнастики.

Общественные пространства

Помимо Битцевского леса, который волей-волей приходилось делить с чертановскими и маньяками, были у нас и сугубо свои микрорайонные общественные пространства. Ментальность русского человека, ведущая затем к формированию определенного типа экономики, видимо, с самого детства определяется трубой.

Посреди пустыря, который не застраивался по причине того, что через него проходила ЛЭП, в дополнение к стоящим высоковольтным столбам, в 1970-х еще проложили прямо по поверхности огромную канализационную трубу шириной метра полтора. Чтобы люди имели возможность через нее как-то перебраться, в нескольких местах были сооружены «переходы» – шаткие металлические мостки, быстро покрывшиеся густой ржавчиной.

Не знаю, как обстояло у планировщиков этой великой градостроительной затее с эстетикой, но пустить в городе по поверхности огромную пованивающую канализационную трубу протяженностью несколько километров, было, конечно, сильной идеей. Труба была воистину циклопическим сооружением, завораживающим наше детское воображение. Она эдакой Китайской Стеной возвышалась посреди пустыря, там-сям засаженного редкими низкорослыми деревцами и чахлым кустарником (может быть, даже специально и не засаживали, а само из подхваченных ветром и оброненных птицами семян как-то выросло).

Этот пустырь с трубой стал местом постоянных детских прогулок, детских игр (перелезть через трубу, носиться по ее скользкой поверхности, играть в «царя горы», сталкивая друг друга с трубы вниз) и даже детского флирта. Девочкам-семиклассницам вполне можно было так нон-шалантно предложить: «А пойдём-ка к трубе прогуляемся». Это к канализационной-то. Романтично однако.

Трубу забрали под землю только в конце 90-х. А теперь этот пустырь после нескольких косметических доводок назван не более и не менее, как ... «Парк Зюзино». Я видел его нынешние фотки в интернете. Некоторые из них, надо признать, довольно миленькие. Деревья, как и собачки, имеют свойство подрастать. Не Версаль конечно, но, как говорится, *nobody is perfect*.

Досуговые паттерны

Основным видом советского детского досуга было «пойти погулять», что, как правило, означало относительно бесцельное многочасовое шатание по микрорайону. Но «гуляние» распалась и на отдельные виды времяпрепровождений. Вот, некоторые из них, которые наиболее рельефно всплывают в моей памяти.

Наблюдать за голубятнями и голубятниками: Голубятничество было страстью, скорее, послевоенного, а не нашего поколения. В 70-х голубятни держали обычно не пацаны, а сурового вида мужики. Для нас же, пацанов, голубятни, возвышавшиеся посреди дворов пятиэтажек и на пустырях, были чем-то вроде капищ какой-то древней непонятной религии. Интриговало, зачем воздвигались эти массивные железные башни для обихаживания, по сути, помочных птиц – эдаких городских крылатых крыс. Но суровые мужики-голубятники нас гоняли, переживая за покой своих воркующих и непрерывно гадающих питомцев, что только подогрело интригу.

Дразнить сторожевых собак с высоты бетонного забора: Нужно было забраться на двухметровый бетонный забор, окружавший стройку или промышленный объект, и, подобно канатоходцу, быстро идти, раскинув руки для балансировки, по его узкому и, к тому же, скошенному под углом верху. Внизу заливались злые сторожевые барбосы и торчала арматура. Что могло произойти в случае падения, сейчас как-то и представлять не хочется. А тогда, видимо, Бог миловал.

Играть «в слона»: Молодецкая забава для крепких молодцев. Делились на две команды, человек по пять-шесть каждая. Одна команда становилась друг за другом, согнувшись пополам и плотно прижавшись друг к другу. Таким образом, из наклоненных спин формировался «слон». Другая же команда должна была в полном составе запрыгнуть на этого «слона» по такой же прыжковой технике, как на уроках физкультуры прыгают через «козла». Стратегия успеха состояла в том, что первый прыгающий должен был прыгнуть как можно дальше, чтобы приземлиться ближе к голове «слона» и оставить достаточно места для прыгающих после него. Выигрышем считалось, когда команда прыгающих в полном составе могла разместиться и удержаться на «слоне». Тогда, по правилам игры, покоренный «слон», истощно трубя, должен был провезти гогочущих наездников метров двадцать вперед. Если же кому-то из прыгающих не хватило места на спине «слона», или же, если, не удержавшись на «слоне» после прыжка, кто-то боком сползал вниз, то команда прыгавших считалась провалившейся гейм и сама становилась в наклонную позицию в качестве «слона». Надо сказать, что прыгали качавшиеся дюжие молодцы, и принимать на спину такой удар было весьма нелегким испытанием. Но было весело, и образовавшаяся свалка со стороны напоминала какое-то безумное регби без мяча.

Плавить свинец: Свинец завораживал нас в детстве своей легкоплавкостью. Сырьем для юных металлургов служили свинцовые решетки из повсеместно валявшихся на свалках отслуживших свое аккумуляторных батарей. Свинцовые аккумуляторные решетки мелко крошились в жестяную банку. Крышка банки накручивалась на палку, чтобы было можно ставить на огонь и вынимать из огня, не обжегши руки. И вот – самодельный плавильный тигель готов! Нужно было подержать его над горящим костром, и через несколько минут на дне банки уже плескалась алхимически завораживающая серебристая лужица. О том, что свинец – токсичный металл, а его пары в расплавленном виде – особо токсичны, тогда никто, конечно, не думал. Расплавленный металл разливался по различным формочкам, и потом этот металлургический самиздат отягощал детские карманы. Самым распространенным изделием былалая круглая свинцовая бита для игры в «пробки». Пивные пробки в различных фигурах и комбинациях выстраивались на расчерченном на асфальте небольшом квадрате. С расстояния нескольких метров нужно было точно метнуть свинцовую битку, чтобы она попала в этот квадрат, разбила компо-

зицию из пробок подобно разбиванию фигуры при игре в городки и при этом не выкатилась за пределы очерченного квадрата. Затем нужно было уже на близкой дистанции коротким броском биты точно по краю пивной пробки заставить ее перевернуться. Кто больше перевернул пробок – тот и выиграл. Была и «серьезная» разновидность этой игры для солидных пацанов, где вместо пивных пробок фигурировала мелочь, которую нужно было ударом свинцовой биты переворачивать с «орла» на «решку».

Жечь пластмассу: Вдыхание продуктов горения жженой пластмассы тоже явно не проходило по разряду ЗОЖ. Но горящая пластмасса давала очень красивое зрелище – с горящего куска пластмассы начинал быстро капать одна за одной целый дождь горящих капель. Мы в детстве называли это «напалмом» и представляли себя американскими летчиками в небе над Вьетнамом. Одна такая псевдонапалмовая капля как-то упала мне на ногу. Небольшой шрамик сохранился до сих пор. А еще была разновидность пластмассы (из нее в советское время делали некоторые виды расчесок), которая при горении, помимо пламени, давала еще невероятное количество густого белого дыма. Расческу, завернутую в фольгу, сначала поджигали, затем огонь быстро задували, и расческа в режиме бикфордова шнура быстро дотлевала, выделяв обильные клубы белого едкого дыма, вроде тех, что сейчас висят при разгоне демонстраций. Это называлось бросить «дымовуху». Вообще, запах горячей помойки, к которому приешивался запах жженой пластмассы – главный запах моего советского детства.

Ловить тритонов. Тритоны относятся к классу земноводных и являются ближайшими родственниками жаб и лягушек. Но, по сравнению с родственничками, куда более элегантны, и по внешнему виду являют собой что-то среднее между рыбой и ящерицей – то ли рыба с ногами, то ли ловко плавающая и ныряющая ящерица. У самцов – кокетливые пятнышки и красивейший гребень. Ну, а самки, как и у всех живых существ, кроме людей, неказисты. Из-за своей декоративности тритоны вызвали наш активный детский интерес – посадишь такую гребнистую красоту в баночку с водой и приятелям показываешь. Обитали тритоны в мини-прудиках, образовавшихся на месте брошенных песчаных карьеров, коими изобилывал огромный пустырь на окраине Битцевского леса, на месте которого к московской Олимпиаде-1980 впоследствии был построен Конноспортивный комплекс Битца. Ловить тритонов нужно было следующим образом – дожидаться, когда тритон всплывет к поверхности воды за глотком кислорода (дышат они легкими), и резко подсечь его сачком. Из-за стремительности тритона при нырянии в расположении ловца было не более секунды для точного движения.

Ловить майских жуков. Сейчас майский жук в черте города вещь довольно редкая. А в 70-х в зеленых зонах Москвы их было весьма изрядно. Как и тритон, майский жук привлекал своей мимимишностью и декоративностью. Совершенно не кусающийся, он пленял взоры своей крепкой сбитостью, джентельменскими светло-коричневыми тонами, милой неуклюжестью и великолепными брежневскими бровями. Пленных жуков держали или в спичечных коробках на подстилке из березовых листочков (вот тебе и тюремная пайка, дружище). Либо более брутально – на привязанной к ноге нитке, дабы создать у жука ненужную иллюзию, что можно улететь, а потом дать ему убедиться, что свобода – это «осознанная необходимость», когда длина полета оказывается точь-в-точь равна длине нитки. Сама же ловля осуществлялась так: майскими вечерами, когда начинало темнеть, толпы зюзинских подростков устремлялись в березовые рощи Битцевского лесопарка, которые жуки запланировали себе на вечер к систематическому объеданию. Жук стартовал с травы с гудением, как у тяжелого бомбардировщика. Нужно было быстро ориентироваться по звуку и сбивать его на землю курткой, пока жук не набрал высоту выше метра-полтора. На более высоких эшелонах зенитные системы юных зюзинцев были уже бессильны, и жуки с мерным гулом уходили под кроны берез, глядя с высоты полета на подпрыгивающих и размахивающих снятой верхней одеждой охотящихся молодых питекантропов.

Бродить по улице с кассетным магнитофоном. Это сейчас «музыку с собой» компактили до размера смартфона. А в 70-х наиболее миниатюрным устройством для воспроизведения музыкального звука были кассетные магнитофоны. В самом конце 70-х появились первые советские переносные кассетные магнитофоны – «Весна» и «Электроника». «Электроника» весила три килограмма, «Весна» – четыре с половиной. «Электроника» была более элегантной и эргономичной, зато квадратная и габаритная «Весна» – менее «жующей» кассету, и куда более прочной. У «Весны» практически сразу отлетала крышка, прихлопывающая кассету (видимо, эта деталь, как в анекдоте про лишние детали «Жигулей», была попросту функционально не нужна), а в остальном магнитофон был практически неубиваем. «Весна» легко выдерживала падение со стола, и им реально можно было драться! Размашистый свинговый удар четырехкилограммовым магнитофоном в голову в уличных разборках выводил на время из строя даже самых крепких противников. Поэтому «Весна» стала любимым многофункциональным девайсом дворового пролетариата – как говорится, не только музыка. Что касается музыки, то из переносных кассетных магнитофонов, тогда обычно на всю улицу пер Высоцкий, Юрий Антонов и Макаревич. Или какие-то сиюминутные шлягеры. Для меня, отличника, сидевшего дома и зубрившего уроки, проходившие под окном вольные двоечники с орущим тяжеловатым магнитофоном, лежащим на согнутой в предплечье руке, выкрикивающие что-то веселое матерное и получающие в ответ одобрительное хихиканье своих лихих боевых подруг, были символом абсолютной, почти космической свободы, которой я, выполнявший родительский таргет по всем пятеркам в четверти, был, в моем понимании, так жестоко и несправедливо лишен.

АЛКОГОЛЬ

Подростковые компании, бродившие по дворам пятиэтажек с надрывающимся магнитофоном, как правило, были всегда навеселе. Варьировала разве что степень опьянения – от назойливого горлодерства до откровенного ногозаплетаса. Дворовые зюзинские подростки в тринадцать-четырнадцать лет уже всюду хлебали портвейн и пиво. А к пятнадцати годам осваивали и водочку.

До горбачевской антиалкогольной компании алкоголь в советских магазинах отпускался с 16 лет. Паспортов не спрашивали, и возраст определялся продавцом «на глаз». За бутылкой обычно посылали наиболее взросло выглядывшего пятнадцатилетнего (в те годы цвела так называемая «акселерация» в развитии, когда к пятнадцати годам подросток уже вполне мог обзавестись густыми усами и кучерявой бороденкой), который затем нес трофей более младшим, но не менее жаждущим товарищам. А пиво вообще могли продать и двенадцатилетнему пацану, поскольку пиво в те времена классифицировалось, скорее, по рангу прохладительных напитков, нежели алкоголя.

Водку и портвейн продавали в специализированных магазинах «Вино», возле которых роились непотребные алкоголики, коих безуспешно пытались увести домой отчаявшиеся домохозяйки. Весь этот круговорот – инь и пьянь – сопровождался повышенным шумовым фоном. То ровным роевым гулом, то отдельными звуковыми протуберанцами семиэтажной матерщины, сопровождавшей либо семейные разборки (опять, скотина, все деньги пропил), либо же публичное несогласие партнеров-соинвесторов по поводу размера внесенных паев при выпивке вскладчину «на троих». Один мой знакомый вообще никогда не пил только потому, что ему «посчастливилось» проживать на втором этаже дома прямо над винным магазином.

Пиво же, сухое вино и коньяк можно было купить в алкогольных секциях обычных продуктовых магазинов, где уж совсем откровенное непотребство не процветало, и, в целом, все было относительно прилично. Пиво алкаши покупали только с утра на опохмел, а сухое вино и коньяк в пересчете на оптимизационную шкалу «грамм, градус, копейка» их вообще как жанр не интересовали.

Мы же, отличники, для имиджевой дифференциации от своих районных сверстников-двоечников покупали именно сухое вино и коньяк, а не портвейн и водку. К концу девятого класса уже вполне осваивали по бутылке сухого вина на человека или по бутылке коньяка на троих (что, как по количеству алкоголя, так и по цене, было примерно эквивалентно – бутылка хорошего сухого вина стоила примерно 3 рубля, коньяк – около 10 рублей).

Где брали деньги? Откладывали мелочь, выдаваемую родителями. На школьный завтрак выдавали 15 копеек, на «пойти погулять» (на мороженое, булочки и пончики) – в районе полтинника мелочью. Итого, примерно, 60 копеек в день или более 3 рублей в неделю. Мы стойчески отказывались от перекусов советскими снеками, помня, что калории есть не только в еде.

3 рубля стоило «марочное» сухое вино – такой советский винный премиум. На три или три с небольшим рубля можно было купить весьма приличного качества грузинские, венгерские и румынские вина. Но были опции и куда доступнее. Например, «Столовое сухое» стоило всего рубль шестьдесят, и было оно совсем не противным. Или, например, простоватое, но вполне питкое грузинское сухое вино «Эрети» за рупь восемьдесят (в его название в середину мы всегда добавляли фонетически туда напрашивающуюся букву «к»). Или, любимое москвичами «Арбатское полусладкое» за 2 рубля 20 копеек – вино с лучших арбатских терруаров.

Для наших же коллег-двоечников все вышеуказанное было пустой тратой денег. В чести был, например, «Вермут розовый крепкий» за рубль сорок. Несмотря на обманчивое название, это совсем не родственник мартини и чинзано, так же как советский портвейн «Агдам» никогда не напрашивался в родство к португальским портвейнам.

«Вермут розовый крепкий» разливался в так называемые «фаустпатроны» – сланные в стеклотару бывшие бутылки от советского шампанского (разливать в них по второму разу шампанское по технологическим соображениям было нельзя, – могли давление газов не выдержать – а, вот, так называемые «бормотуху» или «чернила», пожалуйста). Для описания вкуса «Вермута розового крепкого» лучше всего подходит слово «неописуемый». До оценки нюансов винного послевкуся дело тут не доходило, поскольку после первого большого глотка напитков рефлексивно просился обратно.

Чтобы не допускать напрасной растраты ресурсов, нашими дворовыми конэсёрами был придуман и внедрен паттерн потребления этого вермута, чем-то напоминающий современный маркетинговый ритуал употребления текилы – «лизнуть, опрокинуть, укусить». Перед употреблением «розового крепкого» нужно было закинуть в рот корку черного хлеба, дабы обмануть доверчивый организм обещанием «не бойся милый, плохого не дадим» и чем-то временно отвлечь вкусовые рецепторы. После этого нужно было мощно отхлебнуть из горлышка передаваемой по кругу бутылки, и, чтобы пошло сразу не пошло обратно, быстро занюхать головой собутыльника. Поскольку голову в Советском Союзе чаще, чем раз в неделю обычно не мыли, а в данном потребительском сегменте и месяц между помывками был не срок, то занюхивание сальными патлами коллеги по распитию побеждало рвотный рефлекс по принципу «клин клином», дав тем самым «розовому крепкому» шанс провалиться в пищевод и отработать свой основной функционал – бюджетно «дать по шарам».

В целом, советский народ завышенных требований к алкоголю не предъявлял. Например, моя бабушка по материнской линии весь алкогольный рынок сегментировала на «белое» и «красное». «Белое» – это водка, а «красное» – вообще все остальное. Таким образом, например, белое сухое вино проходило по разряду «красного».

Водка была безусловной владычицей народного алкогольного олимпа, и самым «серьезным» напитком в глазах малолетних дворовых выпивох. Поэтому я со своими хорошо учившимися товарищами-старшеклассниками в школьные годы налегал больше на коньяк (в основном, из снобизма и свойственного всем подросткам духа противоречия). Однажды, покупая коньяк, который стоил 10 советских рублей, мы притащили продавщице целую гору мелочи, сэкономленную на школьных завтраках, чем вызвали ее немалое замешательство (это, примерно, как сейчас, пойти покупать виски, рассыпчато вывалив на прилавок с килограмм потерянных монет-«десятичичков»).

Что еще было хорошо в коньяке, помимо чуть более утонченного, чем в водке вкуса, это распространенный формат плоских стеклянных фляжек, емкостью 0.25 литра. Их очень удобно было проносить на школьные мероприятия (школьные дискотеки и школьный выпускной), где пронос алкоголя не приветствовался. Плоскую коньячную фляжку нужно было засунуть как можно глубже прямо в штаны, чтобы спереди пробка из-под ремня не высывалась. Сумки, куртки и пиджаки могли обыскать, а, вот, в штаны мальчикам даже самые строгие советские педагоги обычно не лезли.

Но пили не только во дворе и на школьной дискотеке. Было в позднесоветское время и такие гламурные заведения как «диско-бары» – практически полный аналог современных клубов. Туда приходили потанцевать под музыкальные сеты, komponуемые советскими диджеями (тогда их по старинке называли без сокращения – «диск-жокеями»). А из алкоголя, дабы создать «культурную» обстановку, подавали практически только коктейли. О таких заведениях и царящей в них атмосфере в свое время очень точно спел Юрий Лоза: «Девочка сегодня в баре, девочке пятнадцать лет...». В пятнадцать лет туда, действительно, вполне пускали, – и мальчиков, и девочек – и в алкогольных коктейлях тоже не отказывали. У нас «на районе» в Зюзино в шаговой доступности было аж два подобных заведения – диско-бар на Керченской и диско-бар на Конноспортивном комплексе Битца.

Самый распространенный коктейль советского времени – это сейчас практически никому неизвестный «шампань-коблер». Его классический тогдашний рецепт – примерно сто граммов советского шампанского, граммов пятьдесят фруктового морса, 25 граммов вишневого или иного фруктового ликера и 25 граммов коньяка. В общем, как говорится, «то, что девочки любят» – сладенько и, надо признать, довольно забористо. Но, это если бармен на ингредиентах не экономит. Доводилось мне видеть и «оптимизированную» версию шампань-коблера. В диско-баре для скорости обслуживания его разливали прямо из огромного пятилитрового чайника – вроде тех, из которых обычно в заводских столовых компот разливают. А из ингредиентов в этом «коктейле» присутствовали только два – ну да, правильно, компот из сухофруктов, а еще водка. К черту шампанское, ликер, коньяк и прочие ненужные подробности!

Коктейли в диско-барах стоили два с половиной – три рубля. Довольно много для советского школьника, у которого больше пятерки в карманах, как не экономь на школьных завтраках, обычно не водилось. Поэтому, подобно склонным к бюджетному потреблению посетителям современных клубов, предполагалось слегка выпить до на улице, а потом уже в диско-баре «культурно» положить сверху на выпитое 1-2 компотно-водочных коктейля.

Стартовавшая в 1985 году горбачевская антиалкогольная кампания застала откровенно врасплох молодых граждан Советского Союза. Мне в этом году было 19 лет, из которых я уже 4 года самостоятельно покупал алкоголь (три года из них, заметьте, на полностью легальных основаниях). И вдруг на тебе – отпускают только с 21 года! В те годы в обществе развернулась довольно ехидная неформальная общественная дискуссия: «В Афганистан в 18 лет жопу под пули подставлять можно, а выпить только с 21-го? Трогательная, надо сказать, забота о нашем здоровье».

Прежний возрастной порог в 16 лет казался мне, да и не только мне, куда более оправданным и логичным: «Паспорт дали – гражданину можно». Тем более, по доступу к запретным плодам он рифмовался с советскими фильмами категории «Дети до 16 лет не допускаются», где в усеченном цензурой варианте советским гражданам давали некое фрагментированное представление о том, откуда берутся дети.

Секс

Секса, как известно, в Советском Союзе не было. Но почти каждый год в нашей школе у кого-то из старшеклассниц округлялся животик, и греховодницу тихо изымали из школьного оборота, отправив сидеть дома (аттестат с «нарисованными» удовлетворительными оценками тайком выдавали потом), дабы лицемерием греха не вводить в соблазн прочих школяров. В школе затем появлялись советские подростковые психологи, которые рассказывали нам, как «правильно» мальчик должен дружить с девочкой.

Но для нас пацанов, весь этот душеспасительный разговор был «мимо кассы», поскольку наши 15-16-летние одноклассницы «дружили» вовсе не с нами, а с более старшими парнями – либо с восемнадцатилетними, уходящими в армию, либо с вернувшимися из армии двадцатилетними «дембелями». Одному такому «дембелю» в ходе скандального судебного процесса даже дали срок за «любовь» с восьмиклассницей из нашей школы – она проболталась родителям, что «встречается с серьезным мужчиной», а те довели дело до суда.

Пока мы только вставали на путь первопрободчества по отношению к винным бутылкам и диско-барам, наши школьные ровесницы уже всю занимались тем, что у биологов называется «репродуктивным поведением». Коричневые платица школьной формы укорачивались так, что практически любое движение приоткрывало то, что, по идее, должно было надежно скрывать это советское ситцевое целомудрие. На лицо выкладывался невероятный слой крем-пудры и румян, отчего наши зюзинские старшеклассницы становились похожими на васнецовских боярынь. По «району» и по лесопарку обнявшись бродили парочки – все какие-то дерново-подзолистые и обоюдогадкие. А по углам шло непрерывное шушукание о методах народной контрацепции – что более эффективно: выкурить подряд четыре пачки «Беломора», сожрать две упаковки аскорбинки по 50 таблеток каждая, или же весь день забираться на шкаф, а затем сосредоточенно с него прыгать (результат мог быть вариативен – вывих, перелом, прерывание беременности).

Сегодняшние дискуссии, что сексуальное просвещение в школах и информирование о контрацепции якобы провоцирует ранние мысли о сексе, они сродни предположению, что лишь знакомство с кулинарными книгами рождает аппетит и мысли о еде. Типа, до двадцати лет кулинарных книг не читал, а потому до двадцати лет и не ел, питаюсь, как просвещенный адепт исключительно солнечным светом.

В то время сексуальным просвещением нам служили щедро сдобренные невероятным враньем рассказы «старших товарищей», а также коллективная читка вслух между уроками тайно позаимствованной у кого-то из родительской библиотеки советской гинекологической брошюры «Женщине о здоровье».

Но была целая атмосфера контекстно окрашенных «охов и вздохов», намеков и полум намеков, брэнчаний под гитару кривоватых народных баллад о «серьезных отношениях», что под самый занавес СССР взорвалось галактическим бумом культуры «Ласкового мая». Как и во все времена, наша вода была мокрее, трава – зеленее, а склонявший к репродукции май, безусловно, – ласковее.

Чему нас учит семья и школа

Не оступить на скользкой сексуальной дорожке учили, прежде всего, в семье. Так, в мои послешкольные годы у мамы была настоящая obsессия с предполагаемой ей угрозой моей ранней женитьбы «по залету». По факту, ребенок у меня родился, когда мне было уже сорок шесть лет. Видимо, организм был крепко запрограммирован на «не расстраивать маму».

А в годы пораньше озвучивался некий набор категорических императивов «туда не ходи, этого не делай». Позже, когда мне удалось прочитать «Домострой», я понял, что это все оттуда. В простых семьях с крестьянскими корнями домостроевские наставления передавались в качестве устной традиции от поколения к поколению, без всякой ссылки на давно забытый первоисточник.

Как и положено по «Домострою», жили мы тесно и скандально. Из 58 метров общей площади в нашей хрущевской «трешке» было чуть более сорока метров жилой. На этих сорока «с хвостиком» метрах умещалось пять человек, принадлежащих к трем различным поколениям – дедушка с бабушкой по папиной линии, мама с папой и я. Планировка «трешки» называлась «распашонкой» – две изолированных комнаты и одна «проходная». Дедушка с бабушкой и мама с папой занимали по изолированной комнате, а мое спальное место было в «проходной» гостиной.

«Проход» начинался в пять утра. Мой папа, будучи абсолютным жаворонком, подскакивал с постели в пять утра и сразу шел мимо меня по гостиной на кухню греметь кастрюлями в полутьме в поисках съестного на ощупь. Так примерно ведут себя по ошибке забредшие в пищеблок подслеповатые кабаны. Мама сразу начинала громко орать матом на папу, чтобы папа «дал ребенку спать» (заботу мамы о моем чутком сне я принимал сердцем, но разум мне как-то подсказывал, что децибелы, мешающие мне спать, от маминого ора на папу только усиливаются). Затем к утреннему хору на всю мощь подключалась бабушка. Громко коммуницируемая ей позиция была двойственной – с одной стороны, защитить папу (сынуля как-никак) от несправедливых с ее точки зрения нападков со стороны невестки, а, с другой стороны, дополнительно пнуть папу за утренний грохот уже по-доброму, по-матерински.

Но у нас не только ранним утром, у нас всегда было нескучно. Источники скандалов были множественны и вариативны – все ругались со всеми. Как жена с мужем, мама без конца собачилась с папой, а бабушка – с дедушкой. Были «битвы поколений» – мама с папой против бабушки с дедушкой. Складывались и ситуационные альянсы, когда бабушка приходила на помощь папе в его разборках с мамой, а дед молчаливо брал сторону моей матери. Кроме того, бабушка считала орать на папу своей исключительной материнской монополией и ревностно ее отстаивала от несдержанной на язык мамы. В схватке один на один невестка-свекровь, за счет большей энергетики временный вверх чаще брала моя мама. Когда все вербальные аргументы исчерпывались, мама показывала бабушке задницу, и та, поджав губы, обиженно ретировалась в свою комнату.

Окна летом у всех были открыты настежь, и ор в нашей квартире всегда был слышен еще метров за сто на подходе к дому. Это служило опознавательным знаком – «когда все дома, дома все». Явных победителей в этих многослойных скандалах не было – наблюдались какой-то вечный пат и бесконечная «война на истощение». Градус же семейной борьбы на какое-то деление стихал лишь тогда, когда кто-то из ее участников уходил в мир иной.

Мама и папа принадлежали к сословию рядовых советских инженеров, массовому советскому социальному продукту: родители, перебравшиеся из деревни в Москву, а дети – «интеллигенты в первом поколении», ну, и, конечно же, «коренные москвичи».

В нашем крестьянско-советском генеалогическом древе не совсем типичным ростком была только бабушка по папиной линии. Она единственная, у кого корни уходили в дорево-

люционную Москву. Происходила она из купеческого рода евреев-выкрестов, которые вели очень милый интеллигентный бизнесок – торговали театральным реквизитом и бутафорией. Держали лавку в Верхних торговых рядах (нынешний ГУМ) и жили в собственном двухэтажном деревянном особнячке рядом с Донским монастырем.

Когда пришла советская власть, быстро поняли, что особнячок будут уплотнять, и, спеша опережение, «самокоммуналились». Был, оказывается в те годы такой маневр – не дожидаясь уплотнения чужими, перетаскивали к себе всю ближнюю и дальнюю родню и жили «коммуналкой», ютятся по несколько человек в комнатухах, только уже «со своими». Впрочем, как показывает наш опыт тесного совместного проживания в «хрущевке» тремя поколениями, скандальность совместного быта «со своими», может, мягко скажем, не сильно отличаться в лучшую сторону от коммунальных словопрений с чужими.

В 60-х ветхий особнячок снесли, а его обитателей раскидали по отдельным квартирам в новостройках, что тогда все они восприняли как безусловное благо. Мои бабушка с дедушкой и только что поженившиеся мама с папой поехали, соответственно, в «хрущевку» в Зюзино.

Дед по папиной линии был родом из крестьянской семьи, проживавшей в Орловской губернии. Всю гражданскую войну осмотрительно просидел на печи, видимо, дожидаясь, чья возьмет. Когда, наконец, стало ясно, где находится «правильная сторона истории», оперативно вступил в компартию и пошел на пять лет служить в Красную Армию (в 20-е годы не было призыва, и служили добровольно). Имея партбилет в кармане и образцовую службу в армии за спиной (дослужился до старшины), был направлен в Москву, где после многочисленных «пулементных курсов» и некоего «коммунистического университета имени Свердлова»¹ стал низовым советским номенклатурщиком. Возглавлял отделы, небольшие управления, был замом в каких-то строительных трестах. Вершиной его карьеры стала должность директора маслобойного заводика, где работало несколько десятков человек (я, похоже, повторил его карьеру, где моим высшим корпоративным достижением стало директорство в одной частной конторке с пятьюдесятью сотрудниками). От мелкономенклатурных аксессуаров у деда осталось черное кожаное пальто «а ля Жеглов», которое я с удовольствием примерял в детстве, представляя себя в мыслях то Высоцким в образе, то папашей Мюллером.

В 1941 году дед добровольцем ушел на фронт. Прошел всю войну – от старшины, замкомандира роты, до капитана, замкомандира полка. Воевал и пехотинцем, и танкистом. Был несколько раз тяжело ранен. Три раза горел в танке. Какого-то выдающегося иконостаса наград у деда не было – видимо, как и большинство людей на фронте, он был «выживальщиком», а не «адреналинщиком». Был награжден медалью «За оборону Москвы» и Орденом Отечественной войны I степени.

Сейчас все наградные листы за ордена выложены в интернет. Можно почитать, кто и за что их получил. В наградном листе деда было указано, что он во главе своего танкового батальона ворвался на узловую станцию в Восточной Пруссии. Отразил четыре немецких танковых контратаки. Будучи раненым, не выходил из боя и продолжал командовать своим подразделением.

Дед удачно получил ранение и орден под самый конец войны – в марте 1945 года. До конца войны можно было героем посидеть в медсанбате (обиднее всего погибать именно в последний месяц боевых действий). Но что-либо духоподъемное «про войну» дед нам наотрез рассказывать отказывался – что для человека несколько раз горевшего в танке, наверное, и понятно – и до конца жизни во сне громко кричал от ужаса, когда ему снилась война.

Выйдя на пенсию в 60-х, дед вернулся к своим крестьянским корням и всецело посвятил себя садоводству. Все деревья и кустарники вокруг нашей пятиэтажки – как фруктовые, так

¹ Вуз существовал в 30-е годы и давал эрзац высшего образования для партийцев. Учились в нем от 8 месяцев до 4 лет. В среднем, 2 года.

и декоративные – были посажены им. А по вечерам смотрел по телевизору советские политические ток-шоу, где локальные сыны Сиона – зануда Зорин и живчик Бовин – выводили на чистую воду международный сионизм.

Наличие во мне двух кровей – русско-крестьянской и торгово-еврейской – привело к изрядной противоречивости моей натуры. То горят в моей душе огненными скрижалями пламенные словеса из «Бесогон ТВ», то вдруг становятся близки и понятны резоны того самого Каца, который предлагал сдаться.

Вообще, кровь – она сильная штука. Вот, вполне себе натурный эксперимент. В нашей многочисленной родне есть три ветви: русские+евреи, русские+татары и русские+марийцы (финно-угорский народ). Все в чем-то преуспели, но во всей родне лишь у моего папы и меня фиксировалась выраженная тяга к книгам и, вообще, печатному слову.

Папу всю жизнь четко и однозначно принимали за еврея несмотря на что ни на есть русскую дедовскую фамилию. В старости его иногда путали с балетмейстером Григоровичем, а в молодости один бдительный советский гражданин принял отца за разведчика-предателя Пеньковского, высадил из трамвая и сдал на руки наряду милиции для выяснения личности.

Мама с ее крестьянской сметкой (ее родители – выходцы из крестьян Липецкой области) наставляла вечно витающего в облаках книжности папу словами, относящимися по большей части к категории непечатных. В этом симбиозе печати и непечатности и проходило, по большей части, мое семейное воспитание.

Что же касается школы, то, наряду с армией и (опционально) тюрьмой, она являлась ключевым социальным институтом, где ковался и проходил огранку советский гражданин. Вот что интересно: школа нашим гражданам в плохих снах продолжает сниться до конца жизни, а вуз, где вроде тоже чему-то учили и как-то воспитывали, – нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.